

2. АНАЛИЗ ФОРМ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ, И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Особое место в экономической рукописи 1857—1858 гг. занимает раздел «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Необходимость написания данного раздела «Grundrisse» диктовалась, по всей видимости, тем, что в ходе исследования процесса обращения (и воспроизводства) капитала все его предпосылки предстают в равной мере и как его результаты; таким образом, теперь, когда капитал был охарактеризован как непосредственное единство производства и обращения, он выступает как самовоспроизводящееся отношение.

Здесь возникает парадокс в исследовании. С одной стороны, раскрыв тайну происхождения прибавочной стоимости, Маркс вместе с тем определил историческое место буржуазного общества. Это такая форма эксплуататорского общественного строя, которая покоится на присвоении неоплаченного прибавочного труда в виде прибавочной стоимости. С другой стороны, появляется новая трудность: поскольку все предпосылки капитала — товар, деньги, лишенный средств производства и жизненных средств производитель, а также владеющий ими капиталист — являются его же собственными результатами, постольку объективно возникает иллюзия вечности, «естественности» капиталистического способа производства. История совершается как бы по кругу, вечно оставаясь историей *буржуазного общества*. (Именно эту объективную связь явлений, существующую в зрелом капиталистическом обществе, ухватывает буржуазная политэкономия, отсюда и ее антиисторизм.)

Маркс ощущает объективную теоретическую необходимость выхода из этого «порочного круга». Такой выход возможен лишь в том случае, если исследователь отличает внутренние предпосылки капитала от внешних, не им самим созданных, отличает условия его *существования* от условий *возникновения* капитала¹⁷. Но выделить эти предпосылки возникновения капиталистического способа производства — еще не значит решить проблему. Дело заключается еще и в том, чтобы показать, как и почему в недрах предшествующих общественных форм они складываются. Именно это и стремился, по-видимому, выяснить Маркс, когда, прервав исследование процесса обращения капитала, он создал большой и относительно самостоятельный фрагмент «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Хотя эти вопросы уже были предметом анализа в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и в 1-й главе «Немецкой идеологии»¹⁸, здесь они получают принципиально новое освещение.

2.1. Подходы к разделу «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в «Grundrisse»

Уже в «Главе о деньгах» Маркс сформулировал вывод о том, что в своем развитии человеческое общество прошло три ступени, которым соответствуют три основные формы отношений общения: 1) личная зависимость, 2) вещная зависимость, 3) свободная индивидуальность. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные), — пишет Маркс в «Grundrisse», — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный

общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»¹⁹.

Очевидно, что в данной классификации Маркс выделяет лишь типическое, позволяющее охарактеризовать развитие человеческого общества в целом, выделить в этом развитии основные качественные этапы. Особенности первой стадии Маркс противопоставляет второй стадии, когда целью становится меновая стоимость. «В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь — в некую вещную мощь. Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом — патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй...»²⁰.

В процессе работы над рукописью 1857—1858 гг. Маркс специально разбирает такие вопросы, как природные и экономические предпосылки труда, генезис частной собственности, условия формирования наемного труда, исторические предпосылки образования капитала и др. Уже во «Введении», характеризуя капитализм, Маркс указал на ряд специфических черт, отличающих его от докапиталистических форм производства: «В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного... человеческого конгломерата»²¹.

С другой стороны, данный раздел является новым шагом и в изучении генезиса капитализма. До этого отдельные аспекты генезиса буржуазного способа производства рассматривались в рукописи по меньшей мере дважды: во-первых, при изучении превращения денег в капитал, во-вторых, при исследовании воспроизводства и накопления капитала в процессе его обращения. Что же дали первые два подхода? Исследуя превращение денег в капитал, Маркс пытался выяснить не только внутреннюю логику этого перехода, но и показать, каким образом исторически возникают капиталистические производственные отношения. Маркс понимал, что в историческом плане превращение денег в капитал заключается не в простом накоплении денег: «Путем простого сложения я не могу от меновой стоимости прийти к капиталу. В простом накоплении денег, как мы видели, еще нет отношения капитализации»²². Превращение денег в капитал требовало в реальной действительности качественного скачка в развитии материального производства, ибо «производство, покоящееся на капитале и наемном труде, не только формально отличается от других способов производства, но и предполагает также полную революцию в развитии материального производства»²³. Как отразить этот переход в системе категорий и законов политической экономии? По-видимому, здесь имеет место несовпадение истории возникновения капиталистического способа производства и логического отображения его собственной истории. «...В системе буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал. *В истории этой системе предшествуют другие системы...*»^{24*} Поэтому возникает вопрос о том, можно ли отобразить переход от докапиталистических систем к капиталистической, рассматривая превращение денег в капитал, и если можно, то в каком виде? Здесь возникает следующее логическое противоречие. Наемный труд появляется в ходе разложения земельной собственности, ее разложение выступает как *предпосылка* образования наемного труда. «Исторически,— пишет Маркс,— переход от земельной собственности к наемному труду бесспорен»²⁵. Но, с другой стороны, капитал выступает как *причина* разложения земельной собственности. «Следовательно, *наемный труд* в своей полноте впервые создается в результате воздействия капитала на земельную собственность...»²⁶. Получается порочный круг. Капитал предполагает наемный труд; наемный труд появляется в ходе разложения земельной собственности, а земельная собственность разлагается под воздействием капитала.

Уже в той же самой «Главе о капитале», но несколько позже, Маркс, по-видимому, мог бы сформулировать путь выхода из создавшегося затруднения, разграничив первоначальное накопление и собственно накопление капитала²⁷, т. е. чисто теоретическим

путем, через строгое определение понятий. Но для этого было необходимо более полное представление о существовании процесса, характеризующегося как накопление капитала, которое пока еще только предстояло выработать.

С другой стороны, возникшая трудность окончательно могла быть разрешена лишь на основе такого теоретического исследования накопления, которое подвело бы к необходимости выхода за рамки исследования зрелого капитализма, исследования отличий условий *возникновения* капитала (разложение земельной собственности как *предпосылка* развития капитала и наемного труда) от условий его *существования* (дальнейшее разложение земельной собственности как *результат* вовлечения в орбиту капиталистического способа производства). Именно такое исследование и провел Маркс в ходе рассмотрения исторических предпосылок капитала, предваряющего раздел «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и дающего ключ к пониманию некоторых особенностей трактовки добуржуазных общественных форм в этом разделе.

Маркс стремится, отталкиваясь от проведенного уже исследования воспроизводства капитала на собственной основе, выделить условия, без которых невозможно превращение денег в капитал: «...правильное рассмотрение и выведение... производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы»²⁸. Какие же «первые уравнения» устанавливает здесь Маркс?

В их числе прежде всего появление работника, свободного как личность и свободного от средств производства, которому противостоит капитал, т. е. стоимость, обладающая способностью самовозрастать. «Те условия, при которых первоначально выступает это отношение... обнаруживают с первого же взгляда свой двойственный характер: на одной стороне — разложение более низких форм живого труда, на другой — разложение отношений более благоприятных [для непосредственных производителей]»²⁹.

Маркса интересуют при этом условия возникновения наемного труда не как спорадического явления, а как закономерного этапа исторического развития. Но для этого надо выяснить прежде вопрос о том, чем вообще наемный труд как источник капитала отличается от других исторических типов труда по найму. Маркс детально характеризует личные услуги как противоположность производительного наемного труда.

Найм работников в докапиталистических формациях может осуществляться либо в целях потребления, либо в целях производства. Если *найм* осуществляется *в целях потребления*, то возникающие отношения сводятся к отношению простого товарного обращения. Оба участника сделки, по существу, обмениваются между собой лишь потребительными стоимостями; наниматель дает жизненные средства, нанимаемый оплачивает их своим трудом³⁰.

Если *найм* осуществляется *с целью производства*, то в докапиталистических формациях и здесь все же конечной целью выступает потребление³¹. Чтобы наемный труд возник не как спорадическое явление, а как закономерный этап развития человеческого общества, необходимо разложение докапиталистических форм собственности, прежде всего — земельной собственности.

2.2. Докапиталистические формы собственности: условия возникновения, этапы развития и причины разложения

Добуржуазные формы собственности, как следует из вышеизложенного, интересуют Маркса в «Grundrisse» не сами по себе, а прежде всего как формы, *предшествующие капиталистическому производству*. В данном разделе рукописи в сжатой форме отражена именно *предыстория капитализма*. Поэтому неудивительно, что анализ начинается как бы в «обратном порядке». Маркс исходит из капиталистического отношения, т. е. из обмена свободного труда на деньги с целью увеличения их стоимости. Но оно предполагает отделение свободного труда от объективных условий его функционирования. Напротив, в

добуржуазных формах производства мы наблюдаем единство труда и условий его деятельности. Главным средством производства в докапиталистических формациях была земля. Поэтому Маркс считает необходимым показать процесс разложения «как мелкой свободной земельной собственности, так и общей земельной собственности, покоящейся на восточной общине.

В обеих формах работник относится к объективным условиям своего труда как к своей собственности; это и есть природное единство труда с его вещными предпосылками»³². Таким образом, исходным пунктом анализа докапиталистических отношений является исследование природного единства труда с его вещными предпосылками. А для этого необходимо проанализировать две группы отношений: с одной стороны, рассмотреть единство индивида и собственности, единство собственности и труда, а с другой — охарактеризовать единство индивида с другими людьми, единство индивида и общины³³. Исследование этих двух групп отношений, по мысли Маркса, позволит показать, что «превращение индивида в *рабочего* в этой обнаженности само является продуктом *исторического* развития»³⁴.

Необходимо отметить, что анализ докапиталистических форм земельной собственности Маркс начинает с характеристики субъективного фактора процесса труда. «Первой предпосылкой первой формы этой земельной собственности,— пишет он,— является прежде всего естественно сложившийся коллектив...»³⁵

Маркс, прежде всего, обосновывает эту первую предпосылку *исторически*. Он исходит из того, что кочевой образ жизни предшествовал оседлому, а значит, и общность по племени выступала как предпосылка совместного присвоения земли, а не наоборот. Дальнейшее изменение этого естественно сложившегося первобытного коллектива зависело от различных условий. В числе этих условий Маркс называет как природные условия производства, так и природные задатки людей³⁶.

Влияние географических условий на развитие человеческого общества исследовалось и до Маркса. Заслугой Маркса является не анализ природных условий развития человечества как таковых, а то, что он рассматривает природные условия *производства*. В этом вопросе Маркс сделал значительный шаг вперед по сравнению с «Немецкой идеологией». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс уделяли больше внимания не субъективному, а объективному фактору производства. В частности, там важное значение придавалось противопоставлению естественно возникших орудий производства орудиям производства, созданным цивилизацией. В «Grundrisse» же на передний план выдвигается не характеристика естественно возникших орудий труда, а характеристика естественно возникшей общности. *Логически* это связано с тем, что принадлежность к общине является главным условием присвоения земли. «Каждый отдельный человек,— пишет Маркс,— является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»³⁷. В добуржуазных обществах в качестве первой и главной производительной силы выступает сама община, в рамках которой и осуществляется процесс производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Поэтому для Маркса было важно проследить ступени развития (и отрицания) естественно сложившейся общности — азиатскую, античную и германскую формы общины.

В «Немецкой идеологии» в качестве первой формы собственности фигурировала племенная собственность. Акцент при ее характеристике был сделан на форме хозяйствования (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие) и на разделении труда, которое было развито еще очень слабо. Главным признаком ее разложения выступало рабство и расширение внешних сношений (в виде войны и меновой торговли)³⁸.

В «Grundrisse» в центре внимания Маркса оказывается не племенная собственность как таковая, а период ее разложения, которое приводит к образованию «восточного деспотизма». Это не означает, что Маркс «заменял» племенную форму собственности азиатской. Дело в том, что «в условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная или

общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширенного производства. Часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного *лица*, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога»³⁹.

Признаком, свидетельствующим о разложении племенной собственности, является не рабство как таковое, а наличие *прибавочного продукта* и *эксплуатации*. Общинная собственность азиатского типа может быть более централизованной или менее централизованной, более деспотичной или более демократичной. Она может действительно реализоваться в труде: в труде по созданию ирригационных каналов и средств сообщения, в труде по созданию общественного запаса (страхового фонда), в труде «для *покрытия издержек общины как таковой*, т. е. для войны, богослужения и т. д...»⁴⁰.

Поскольку часть прибавочного труда общины поступает в пользу более высокой общины и в конечном счете в пользу главы государства, то образуются города как своеобразный нарост над" системой сельских общин. Эти города возникают в местах, удобных для внешней торговли, либо там, где образуются ставки верховного правителя или его сатрапов, которые обменивают полученную ренту на производимые для них предметы роскоши.

Если для Азии характерно «своего рода нерасчлененное единство города и деревни», то «история классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...»⁴¹. Как и азиатская форма собственности, античная форма в качестве исходной предпосылки имеет общину, но общину более высокого рода. «Эта вторая форма,— пишет Маркс,— предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников). Пашня является здесь территорией города, тогда как в первом случае село выступало как простой придаток к земле»⁴².

Характеристика второй формы собственности как общинной встречалась уже в «Немецкой идеологии». «Граждане государства,— писали Маркс и Энгельс,— лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой развивается частная собственность, в особенности недвижимая»

В рукописи 1857—1858 гг. уточняется характеристика античной общинной собственности. Маркс приходит к пониманию того, что здесь существует известный дуализм: собственность отдельного человека не является общинной собственностью, как это было в условиях азиатского способа производства. «Общинная собственность — в качестве государственной собственности, *ager publicus* — отделена здесь от частной собственности»⁴⁴.

Государственная собственность является тем источником, который питает частный фонд. Эта государственная собственность пополняется путем завоеваний, и каждый член общины обеспечивает существование данного коллектива, защищая его от других общин⁴⁵. Маркс подробно останавливается на характеристике античной формы собственности эпохи классической древности, потому что ее анализ дает ключ к пониманию возникновения, расцвета и упадка античного общества. Членство в общине выступает в квинтиской, римской собственности как условие владения земельным участком — как предпосылка частной собственности. Однако такая форма собственности может существовать лишь при сохранении равенства между входящими в общину членами, лишь при условии, что собственность

основана на собственном труде. Между тем, в античном мире воспроизводство общины «неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее. Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие. Если пытаются устранить это препятствие, то прибегают к колонизации, а колонизация вызывает необходимость в завоевательных войнах. В результате — рабы и т. д., а также, например, увеличение *ager publicus* и, следовательно, усиление патрициев, являющихся представителями общины, и т. д.

Таким образом, сохранение старой общины включает в себе разрушение тех условий, на которых она покоится, и оно переходит в свою противоположность»⁴⁶.

В качестве третьей формы собственности Маркс рассматривает германскую форму. Анализ ее заметно отличается от того, что имело место в «Немецкой идеологии». Там в центре внимания Маркса и Энгельса находился не *генезис* феодализма, а *развитое* феодальное общество. Они подробно характеризовали феодальную (или сословную) собственность, показывая ее отличия от племенной и общинной собственности, с одной стороны, и от античной — с другой. Маркс и Энгельс анализировали собственность *господствующего класса*. «Подобно племенной и общинной собственности,— писали они, характеризуя феодальную собственность,— она покоится опять-таки на известном сообществе, которому, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне... Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против поработанного производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства»⁴⁷.

В «Grundrisse» же, в отличие от «Немецкой идеологии», с ее развернутой характеристикой феодальной структуры землевладения и корпоративной собственности цехов, в первой части «Форм, предшествующих капиталистическому производству» акцент переносится на анализ формы собственности непосредственных производителей, на характеристику *германской общины*, отношений, типичных для раннего периода европейского средневековья. В центре внимания Маркса не древние германцы, а более поздний период их развития, когда «не собственность отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а, наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности, т. е. их существование выступает как связь самостоятельных субъектов друг с другом. Аи фонд экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства...»⁴⁸. Это означает существенный шаг вперед не только по сравнению с азиатской формой собственности, для которой, по мысли Маркса, действительным, настоящим собственником была община, но и по сравнению с античным миром, в котором функции экономического целого выполнял город с окружающими его и принадлежащими ему землями. Маркс исходит из того, что индивидуальная собственность у германцев развита выше, чем в античном и азиатском мире. Сама же «индивидуальная земельная собственность не выступает здесь ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а, наоборот, община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых»⁴⁹. Хотя и к характеристике германской общины Маркс подходит двойственно, однако это двойственность иного порядка, чем при рассмотрении античного мира. «...Германская община сама по себе, с одной стороны, как общность по языку, по крови и т. д. является предпосылкой существования индивидуальных собственников; но, с другой стороны, она фактически существует только в их *действительном собрании* ради общих целей, и в той мере, в какой она имеет особое экономическое существование в виде совместно используемых районов охоты, пастбищ, и т. п., она используется каждым индивидуальным собственником как таковым, а не как представителем государства (как это было в Риме)»⁵⁰.

Таким образом, Маркс рассматривает азиатскую, античную и германскую формы

общины как три этапа преодоления естественно сложившейся общности, формирования основанной на личном труде частной собственности. Азиатская община, в которой господствовало коллективное начало, а индивид выступал всего лишь как акциденция, характеризуется им как низшая форма. Античная община, представляющая единство государственного и частного начал, выступает как средняя ступень. Германская форма собственности, в которой община существует лишь чисто внешне, а каждый отдельно взятый дом образует самостоятельный центр производства, рассматривается Марксом на данном этапе исследования как последняя (в рамках докапиталистической эпохи) ступень прогрессивного развития человеческого общества.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс показывает не только то, что различает докапиталистические формы собственности, но и то, что их объединяет. «Во всех этих формах, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя, в силу чего экономической целью является производство потребительных стоимостей, *воспроизводство индивида* в тех определенных отношениях его к общине, в которых он образует ее базис — во всех этих формах налицо имеются следующие моменты:

1) Присвоение природного условия труда (*земли* как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки... Главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находимая трудом *природа*...

2) Однако это *отношение* к земле как к собственности трудящегося индивида (который поэтому с самого начала выступает не просто как трудящийся индивид в этой абстрактности, а имеет в собственности на землю *объективный способ существования*, являющийся заранее данной *предпосылкой* его деятельности, а не всего лишь ее результатом...) сразу же опосредствовано естествен но сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*...»⁵¹

Обе эти предпосылки предопределяют ограниченный характер производственных отношений общинного строя, содержат в себе условия как его воспроизводства, так и разложения. С течением времени изменяется отношение индивида к общине, а потому и сама община и ее экономические предпосылки. Изменения могут происходить и в объективных экономических предпосылках, что также влечет за собой изменения в общине. Эти формы производства как бы обращены в прошлое: они предполагают воспроизводство уже сложившихся, традиционных отношений индивида к общине и условиям труда. Однако воспроизводство не может осуществляться бесконечно в неизменных формах. Даже чисто количественное накопление прежних признаков отрицает старую форму, подготавливая качественные изменения. На это обращает внимание Маркс, подчеркивая ограниченный характер воспроизводства общинного строя, предопределяющий неизбежность его гибели⁵².

В период расцвета античного мира философов и политических деятелей интересовали не столько вопросы о путях и способах личного обогащения, сколько о том, как форма земельной собственности способствует воспитанию настоящих граждан государства. Однако сложившиеся в классической древности традиции и нормы поведения препятствуют свободному и полному развитию как индивидов, так и общества в целом. Дело в том, что это развитие неизбежно вступает в противоречие с первоначальным, заранее установленным отношением между индивидом и обществом. Тем не менее, несмотря на все экономические, политические и религиозные ограничения, человек в античном мире выступает как цель производства и это качественно отличает его от капитализма. «где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»⁵³. Поэтому Маркс считает, что древний мир дает, хотя и ограниченный, прообраз коммунистического общества⁵⁴.

Анализ докапиталистических форм производства позволил Марксу решить и еще одну задачу — дать критику воззрений Пру-дона по вопросу о происхождении собственности. Как известно, Маркс обращался к этой теме еще в «Нищете философии». Уже тогда он отмечал метафизический (внеисторический) и юридический подход Прудона к категории «собственность», стремление охарактеризовать буржуазную собственность как

самостоятельную категорию в отрыве от системы капиталистических производственных отношений. «В каждую историческую эпоху,— писал Маркс,— собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства. Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию»⁵⁵.

Тогда же, в «Нищете философии», Маркс отмечает и такую типичную ошибку Прудона, как характеристика земельной собственности как собственности вообще. Прудон пишет о собственности вообще, тогда как, по существу, он анализирует только земельную собственность или земельную ренту.

В «Grundrisse» предмет исследования другой: взгляды Прудона на *происхождение* собственности. И здесь рассматривается собственность не в условиях капитализма, а в добуржуазную эпоху, и притом не только земельная собственность, но и другие ее виды. Акцент сделан на связи природных условий производства и формы собственности. Поэтому в центре внимания критики Маркса не понятие собственности как таковой, а ее, выражаясь словами Прудона, «внеэкономическое происхождение». Разбирая взгляды Прудона, Маркс показывает, что само понятие «внеэкономическое» употребляется этим теоретиком некорректно. «Внеэкономическое» у него означает и «добуржуазное», и «исторически возникшее». Но с таким же успехом, язвительно замечает Маркс, можно было бы писать и о внеэкономическом происхождении капитала и наемного труда как форм собственности⁵⁶. Критикуя Прудона, Маркс критикует и антиисторизм буржуазной политической экономии. «...Внеэкономическое происхождение собственности,— пишет Маркс,— означает не что иное, как историческое происхождение буржуазной экономики, т. е. тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономии. Но та истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза тоже имеют свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями»⁵⁷.

Если в «Нищете философии» показывается несостоятельность теории Прудона по сравнению с классической буржуазной политэкономией (в частности, с теорией ренты Д. Рикардо), то в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» дается критика антиисторизма уже не только Прудона, но и всей буржуазной политической экономии, из которой заимствовал свои идеи Прудон. Более того, Маркс здесь дает и собственную позитивную разработку вопроса. Критика дается не как самоцель, а в связи с позитивным изложением проблемы, характеристикой действительных предпосылок возникновения собственности. Маркс исходит из того, что первоначальные условия производства не являются результатом производства, не могут быть объяснены из производства. Объяснить нужно не единство людей и природных условий их деятельного существования, а разрыв между условиями деятельности и самой деятельностью человека; разрыв, характерный для отношений наемного труда и капитала. «В отношениях рабства и крепостной зависимости,— считает Маркс,— этого разрыва нет; но здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и природным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле»⁵⁸.

В отличие от буржуазной политической экономии Маркс последовательно проводит мысль о том, что принадлежность коллективу является главной особенностью земельной собственности в докапиталистических формациях.

Условием производства в добуржуазную эпоху является собственность на природные

условия существования. А сами эти природные условия существования человека находятся в двоякой форме: субъективной и объективной. Субъективная форма означает принадлежность определенному коллективу: ведь человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории,— подчеркивает Маркс,— тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах. Лишь в XVIII в., в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, порождающая эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки,— есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений»⁵⁹. Чтобы показать, что земельная собственность в, докапиталистических формациях опосредована принадлежностью индивида к общине, Маркс проводит интересную аналогию между собственностью и языком. И собственность, и язык усваиваются индивидом в рамках определенного коллектива, являются продуктами его развития. «Язык как продукт отдельного человека — бессмыслица. Но равным образом и собственность»⁶⁰.

Природные условия производства присваиваются каждым коллективом непосредственно. Единственным препятствием в этом присвоении может быть лишь другая община. «Поэтому война есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее»⁶¹. Как последствия войны (в качестве побочного результата завоеваний) возникают рабство и крепостная зависимость.

Таким образом, Маркс последовательно проводит мысль о неправомерности сведения докапиталистической собственности лишь к отдельному ее виду — земельной собственности, и даже к собственности на условия производства. Докапиталистическая форма собственности выступает как более богатое, многогранное отношение. Не сводит Маркс докапиталистическую форму собственности и к факту принадлежности земли индивиду. Наоборот, он показывает, что эта принадлежность опосредована отношением индивида к общине, что принадлежность к племени, а не владение землей, является основным условием собственности, покоящейся на племенном строе. Азиатская форма собственности, рабство и крепостная зависимость рассматриваются им как ступени развития (и разложения) собственности, основанной на племенном строе.

В «Grundrisse» проводится различие между экономическим и юридическим содержанием отношений собственности. «Поскольку собственность является только сознательным отношением к условиям производства как к *своим* собственным»,— отмечает Маркс,— т. е. «поскольку существование производителя выступает как существование в объективных условиях, *ему принадлежащих*, постольку она осуществляется только через само производство. Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном, реальном отношении к этим условиям, это есть действительное использование их человеком как условий своей субъективной деятельности»⁶².

Маркс исходит, прежде всего, из экономического содержания отношений собственности. Он раскрывает содержание азиатской, античной и германской форм собственности через производство и в связи с производством. Естественно, что и разложение этих форм необходимо искать в изменении условий производства. Специфика развития докапиталистических форм такова, что воспроизводство старой формы общины содержит в себе и сохранение, и разрушение тех условий, которые лежат в ее основе. Изменение же объективных условий производства способствует изменению самих производителей: они приобретают новые качества, развиваются, благодаря производству приобретают «новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»⁶³.

Маркс показывает, как изменения в способе производства приводят к изменениям в

экономической и юридической форме собственности и в общине в целом. И наоборот, «чем дольше сохраняются традиции в самом способе производства... т. е. чем меньшим изменениям подвергается *действительный процесс* присвоения, тем устойчивее старые формы собственности, а следовательно, и община вообще»⁶⁴. Важную роль в этом процессе играет форма организации промышленности и степень развития частной собственности. Поэтому дольше всего традиционный способ производства сохраняется на Востоке, для которого характерно нерасчлененное единство земледелия и промышленности, города и деревни. В античном мире возникают условия для разрушения традиционного общинного строя. Не случайно поэтому промышленность и торговля рассматривались греками и римлянами как пагубные занятия.

Изменение условий производства приводит к изменению производительных сил общины и общинных форм собственности. В свою очередь, уничтожение общинных форм выступает как важнейшее условие дальнейшего развития производительных сил, создает принципиально новые условия для этого развития. «Все те формы... — пишет Маркс, — при которых община предполагает субъектов в определенном объективном единстве с их условиями производства, или при которых определенный способ существования субъектов предполагает саму общину в качестве условия производства, по необходимости соответствуют только ограниченному, и притом принципиально ограниченному развитию производительных сил. Развитие производительных сил разлагает их, и само их разложение является развитием производительных сил людей. Люди начинают трудиться на определенной основе — сперва на естественно возникшей, затем создается историческая предпосылка труда. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается или к ней относятся как к временной предпосылке, ставшей слишком узкой для того, чтобы на ней могла развиваться прогрессивная человеческая масса [Menschenpack]»⁶⁵.

Таким образом, прежде чем выявить специфические особенности генезиса капитализма, Маркс выясняет наиболее общие основы добуржуазной экономики, которые должны быть разрушены в процессе становления нового способа производства. Если в докапиталистических формациях объективные условия производства даны природой, то при капитализме они — результат длительного исторического развития. Исследование этого исторического развития и было осуществлено в ходе рассмотрения предшествующих капиталистическому производству форм⁶⁶.

2.3. Две стороны в генезисе капиталистической собственности

К проблеме генезиса капитализма Маркс обратился не впервые. Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» были рассмотрены условия превращения феодальной частной собственности в капиталистическую⁶⁷.

Дальнейшее развитие взгляды Маркса и Энгельса на генезис капитализма получили в «Немецкой идеологии», где они исследовали становление капитализма *с точки зрения углубления разделения труда*, развития противоположности между городом и деревней⁶⁸. В «Немецкой идеологии» содержалась развернутая характеристика цехового строя, развития торговли, условий возникновения мануфактур и машинного производства. Все эти процессы трактовались, прежде всего, с точки зрения углубления разделения труда. Крупная промышленность стала продуктом самого широкого разделения труда. Она завершает победу капиталистического города над феодальной деревней.

В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» проблема генезиса капитализма ставится по-другому. Здесь Маркс решает двудединую задачу: во-первых, выясняет исторические предпосылки появления рабочего как свободного рабочего и, во-вторых, анализирует условия, необходимые для того, чтобы рабочий нашел противостоящий ему капитал. А так как в рукописи 1857—1858 гг. Маркс рассматривает генезис капитализма через призму отношений собственности, то необходимо было, с одной стороны, провести исследование процессов, которые способствовали разложению принадлежащей работнику собственности на условия его труда и жизнедеятельности, а с другой — анализ процессов приобретения и накопления такой собственности, которая могла быть использована в

процессе производства в качестве условия увеличения стоимости капитала (собственность на средства производства и средства существования). Именно эти задачи и реализует теперь Маркс.

Появление свободного рабочего предполагает ликвидацию отношений собственности, типичных для докапиталистических формаций. Прежде всего, необходимо «разложение отношения работника к земле как к природному условию производства, к которому он относится как к своему собственному неорганическому наличному бытию...»⁶⁹. А это предполагает, в свою очередь, разложение естественно возникшей общности и общей собственности как ее основы.

Необходимо, далее, «разложение тех отношений, при которых работник является собственником орудия труда»⁷⁰. Значит, должно произойти разложение ремесленного труда как основы этгоостроя и исторически сложившейся общности — цеховой корпорации.

Должно также иметь место разложение отношений, при которых непосредственные производители обеспечены фондом потребления. В^ докапиталистических формациях и собственник земли, и цеховой мастер, и даже подмастерье так или иначе соединены со средствами существования, поэтому разрыв этой связи выступает как необходимое условие становления наемного труда.

Наконец, Маркс указывает на то, что должно совершиться «разложение тех отношений, при которых сами работники, сами живые носители рабочей силы еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и присваиваются в качестве таковых,— стало быть, являются рабами или крепостными»⁷¹.

Для появления капитала также необходим ряд условий. Они выводятся Марксом из «формулы капитала», в которой «живой труд относится негативно и к сырью, и к орудию, и к жизненным средствам, необходимым в течение работы, относится к ним как к не-собственности...»⁷². Таким образом, чтобы работник нашел противостоящий ему капитал, он должен, по мысли Маркса, лишиться собственности: 1) на сырье, 2) на орудия труда, 3) на жизненные средства. Между тем в докапиталистических формациях существуют как раз такие формы производства (исторические состояния), при которых работник имеет собственность либо на один из этих факторов, либо на два, либо на все три. Поэтому становление капитала есть разрушение форм связи (единства) непосредственного производителя с природой.

Для первой формы — собственности работающего индивида на землю («историческое состояние № I») — характерно наиболее полное единство непосредственного производителя с природой. «Отношение к земле как к собственности в самой первоначальной форме,— рассуждает Маркс,— означает: находить в ней сырье, орудие и жизненные средства, созданные не трудом, а предоставленные самой землей»⁷³. Становление капитализма означает отрицание этого наиболее полного отношения собственности трудящегося индивида.

Вторая форма предполагает собственность работающего индивида на орудия труда («историческое состояние № II»). Эта форма, составляющая более высокую историческую ступень по сравнению с первой, существует наряду с ней и вне ее. Здесь элемент, конституирующий собственность,— орудия труда — выступает уже не как данный природой, а как результат процесса производства. Поэтому и община существует не как естественная, а как исторически сложившаяся общность, как коллектив, созданный самими работниками. Возникновение капитала предполагает разрушение и этой формы.

Третья форма предполагает собственность лишь на жизненные средства (Маркс называет ее «третьей возможной формой» или «третьей формой собственности»). Главным ее признаком является то, что «работник относится как собственник только к жизненным средствам, находит их как природное условие работающего субъекта, не относясь ни к земле, ни к орудию, а стало быть и к самому труду, как к своим собственным»⁷⁴. Это форма не только рабства и крепостничества (хотя именно эти формы прежде всего имеет в виду Маркс, когда описывает ее). Эта форма может быть следствием разложения земельной

собственности I, когда, в силу тех или иных условий, достижение формы II невозможно (римский люмпен-пролетариат времен «хлеба и зрелищ»). В ходе генезиса промышленного капитала отрицается и эта форма.

Обращает на себя внимание тот факт, что процесс генезиса капитализма рассматривается Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» прежде всего в - категориях собственности: для непосредственных производителей — как процесс ликвидации собственности на условия их труда; для будущих капиталистов — как процесс приобретения собственности.

Нельзя не обратить внимания и на другую особенность анализа. Маркс выводит капитализм не столько из разложения феодализма, сколько акцентирует внимание на противоположности всех добуржуазных форм экономики капитализму. Поэтому он ставит более широкую задачу: показать разложение всех докапиталистических форм, в том числе и наиболее устойчивых (а не только наиболее развитых — феодальных), которое должно произойти с тем, чтобы капитал подчинил себе производство вширь и вглубь. Отсюда стремление Маркса выявить, прежде всего, обобщенную логику зарождения капитализма, а не его исторические этапы и формы.

Важным достижением Маркса является доказательство того, что превращение индивидов в свободных рабочих и превращение объективных условий производства в капитал составляют не два разных процесса, а две стороны *единого* процесса. «Тот же самый процесс, противопоставляющий массу в качестве свободных рабочих *объективным условиям труда*, — подчеркивает Маркс, — противопоставил эти условия в качестве *капитала* свободным рабочим. Исторический процесс привел к разъединению элементов, до этого связанных между собой; его результат заключается поэтому... в том, что каждый из них выступает в негативном отношении к другому: с одной стороны — свободный рабочий (потенциальный рабочий), с другой — капитал (потенциальный)»⁷⁵.

Рассматривая процесс формирования капиталистического отношения, Маркс большое место уделяет становлению капиталистической формы богатства. Он справедливо обращает внимание на то, что капиталист, начиная производство, должен располагать определенными средствами производства и средствами существования, и прежде всего определенной суммой денег. Такое накопление не является результатом капиталистического процесса производства, а предшествует ему в качестве предпосылки. «...У капиталиста, — пишет Маркс, — должно было произойти такое накопление (накопление, предшествовавшее [наемному] труду и не [наемным] трудом порожденное), которое позволяет капиталисту заставлять рабочего работать...»⁷⁶ Накопление богатства в денежной форме стало возможным благодаря развитию товарно-денежных отношений, купеческого и ростовщического капитала. Однако в этом вопросе у Маркса нет еще полной ясности. С одной стороны, для возникновения капиталистического производства необходима определенная сумма денег, а с другой — наличие этой суммы денег недостаточно для того, чтобы деньги превратились в капитал. Возникает своего рода порочный круг. «...В понятии капитала, в его возникновении заложено, что исходным пунктом его являются *деньги* и потому богатство, существующее в форме денег. Здесь заложено также и то, что капитал, притекая из обращения, выступает как *продукт* обращения. Образование капитала исходит поэтому не от земельной собственности... также и не от цехов... оно исходит от купеческого и ростовщического богатства. Но такого рода богатство только тогда находит условия для покупки свободного труда, когда этот свободный труд в результате исторического процесса отделился от объективных условий своего существования. И лишь тогда этому богатству предоставляется возможность покупать сами эти *условия*»⁷⁷. Таким образом, для того чтобы деньги превратились в капитал, необходимы определенные исторические условия. На это указывает, в частности, исторический опыт Древнего Рима и Византии⁷⁸.

Однако, с другой стороны, несомненна роль товарно-денежных отношений и денежного богатства в разрушении потребительского характера докапиталистической экономики и, в известной мере, в формировании рынка труда. «Развитие меновой стоимости

(этому развитию способствовали *деньги*, существовавшие в форме купеческого сословия), разлагает производство, имеющее целью производство непосредственной потребительной стоимости, и соответствующие этому производству формы собственности... и таким образом ведет к созданию *рынка труда*»⁷⁹. Получается, что возникновение наемного труда выступает и как предпосылка, и как следствие накопления денежного богатства и превращения денег в капитал. Полностью решить эту проблему в «Grundrisse» Марксу не удается. Он понимает взаимообусловленность этих процессов: отделение объективных условий труда от работника выступает предпосылкой превращения денег в капитал, а превращение денег в капитал способствует углублению отделения труда от собственности, труда от объективных условий производства⁸⁰. Однако у Маркса еще нет полной ясности относительно начала, исходного пункта, причин отделения собственности от труда, механизма протекания процесса первоначального накопления капитала. В рукописи 1857—1858 гг. отсутствует, в частности, такое понятие как «буржуазная аграрная революция», которое лежит в основе процесса так называемого первоначального накопления капитала в I томе «Капитала». Да и сам этот процесс еще не находится в центре внимания Маркса. Процессы, протекавшие в Англии в XVI—XVIII вв., фигурируют в этом черновом варианте будущего труда лишь в качестве исторического примера⁸¹, хотя в нем уже угадывается прообраз будущей 24-й главы I тома «Капитала».

Но для того чтобы этот пример наполнился плотью и кровью и занял свое место в системе категорий и законов политической экономии буржуазного способа производства, необходимо было сместить акценты с анализа капиталистической собственности на анализ капитала как производственного отношения. К тому же в «Grundrisse», стремясь раскрыть материальные основы преемственности исторического процесса, Маркс, естественно, много внимания уделяет анализу вещественной стороны капитала (капитал как сырье, капитал как орудия производства, капитал как жизненные средства), а не его социальной форме. Видимо, неудовлетворенность анализом генезиса капитализма и заставляет Маркса еще раз вернуться к определению самого понятия «капитал».

Маркс критикует буржуазных экономистов, которые отождествляют капитал с *вещью*, не выходя за горизонт обыденного сознания. «Очевидно, что капитал в этом смысле есть *отношение* и может быть только производственным отношением»⁸².

Такое понимание капитала смещало акценты в анализе генезиса капитализма с исследования отношений собственности на анализ производственных отношений, открывало путь к дальнейшей конкретизации анализа, давало ключ к тайне первоначального накопления капитала. Эта проблема нашла свое решение в I томе «Капитала».

¹⁷ Подробнее см. главу X настоящей монографии.
¹⁸ См.: *Багатурия Г. А.* Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс — историк.— М., 1968.— С. 107—150; *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации.— М., 1974.— С. 24—43; Теория общественно-экономической формации.— М., 1982.— С. 7—43; История первобытного общества.— М., 1983.— С. 126—134.
¹⁹ *Маркс Я., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 100—101.
²⁰ Там же.— С. 100.
²¹ Там же.— С. 17.
²² Там же.— С. 198.
²³ Там же.— С. 228.
²⁴ Там же.— С. 199.
²⁵ Там же.— С. 227.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же.— С. 274.
²⁸ Там же.— С. 449.
²⁹ Там же.— С. 453.
³⁰ См. там же.— С. 454—459.
³¹ См. там же.— С. 459.
³² Там же.— С. 461.

- ³³ См. там же.— С. 461—462.
³⁴ Там же.— С. 462.
³⁵ Там же.
³⁶ См. там же.— С. 462—463.
³⁷ Там же.— С. 463.
³⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 16.
³⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 463—464.
⁴⁰ Там же.— С. 464. Подробнее об экономической роли государства в процессе воспроизводства восточных обществ см.: Процесс обобществления производства в различных социально-экономических системах.— М., 1974.— С. 17—26; Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства.— М., 1979.— С. 6—32.
⁴¹ *Маркс Я., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 470.
⁴² Там же.— С. 465.
⁴³ *Маркс Л., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 16—17.
⁴⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 465.
⁴⁵ См. там же.— С. 466.
⁴⁶ Там же.— С. 483. Подробнее об особенностях воспроизводства и этапах развития античной общины см.: Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства.— С. 32—55; а также: *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима (III—I вв. до н. э.).— М., 1977.— С. 18—41; *Античная Греция: Проблемы развития полиса.*— М., 1983.— Т. 1.— С. 9—36.
⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 17—18.
⁴⁸ *Маркс Я., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 471.
⁴⁹ Там же.— С. 472.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ Там же.— С. 472—473.
⁵² См. там же.— С. 475.
⁵³ Там же.— С. 476.
⁵⁴ Ср. там же.
⁵⁵ Там же.— Т. 4.— С. 168.
⁵⁶ Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 477.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же.— С. 478.
⁵⁹ Там же.— С. 18. Следует учесть, что до работы Л. Г. Моргана «Древнее общество» (1877 г.) в исторической науке не проводилось четкого различия между понятием «рода» (Gens) и «племени» (Stamm). Маркс разделял в это время точку зрения, что семья (а не род) является простейшей ячейкой первобытного племени.
⁶⁰ Там же.— С. 479.
⁶¹ Там же.— С. 480.
⁶² Там же.— С. 482—483.
⁶³ Там же.— С. 483—484.
⁶⁴ Там же.— С. 484.
⁶⁵ Там же.— С. 486—487.
⁶⁶ Разумеется, на этом развитие взглядов Маркса и Энгельса на историю докапиталистических обществ как на эволюцию форм общины не завершилось. В 60—80-е гг., во многом под влиянием новых научных данных, изучения ранее не известных им произведений Маурера и Моргана, основоположники научного социализма в ряде вопросов продвинулись вперед в понимании добуржуазной истории, о чем свидетельствуют переписка Маркса и Энгельса за 1868 г., письмо Маркса В. И. Засулич и наброски этого письма, работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Марка», «Франкский период» и др. (подробнее см.: *Гольман Л. И.* Энгельс — историк.— М., 1984.— Ч. 1.— Гл. 4, 5; Ч. 3.— Гл. 2, а также: *Treide D.* Marx' Konspekt-Arbeit von 1879 bis 1882 und die Entwicklung seiner Auffassung über ursprüngliche Gemeinwesen und deren AuilSsungs- bzw. t)bergangsformen // Das geschichtswissenschaftliche Erbe von Karl Marx/Hrsg. W. Kuttler.—Berlin, 1983.— С. 243—268). Существенно важно, однако, учитывать, что в исследованиях этого периода на первый план выдвинулась главным образом историческая специфика различных добуржуазных форм общества, тогда как в «Grundrisse», подчеркнем это еще раз, Маркс стремился выявить именно некоторые их общие, типические черты, рассматривавшиеся к тому же через призму становления элементов будущего капиталистического способа производства
⁶⁷ См.: *Маркс Я., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.— С. 82.
⁶⁸ См.: *Маркс Я., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 48.
⁶⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 487.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ Там же.— С. 488.
⁷² Там же.— С. 489.
⁷³ Там же.
⁷⁴ Там же.— С. 490.
⁷⁵ Там же.— С. 494.
⁷⁶ Там же.— С. 495.
⁷⁷ Там же.— С. 496.
⁷⁸ См. там же.— С. 497.
⁷⁹ Там же.— С. 500.
⁸⁰ См. там же.— С. 504.
⁸¹ См. там же.— С. 498—499.
⁸² Там же.— С. 506.